

**Ранним утром в субботу на 61-м году жизни
скоропостижно скончался создатель «СЭ»,
главный редактор нашей газеты
Владимир Михайлович Кучмий**

МОЙ КУЧМИЙ

Евгений ДЗИЧКОВСКИЙ

Обычно так говорят про что-то глобальное, укоренившееся, почти нарицательное, имеющее многолетний общепризнанный вес и карму. Мой «Спартак», мой Пушкин, моя Одесса... Мой Кучмий.

А Кучмий и был именно таким, глобальным и величественным. Об него всегда хотелось опереться, как о Китайскую стену. «Господи, вразуми, дай сил...» Владимир Михайлович, как быть, если все хреново?... В житейском смысле - заклинивания одного порядка.

Хреновое, чем сейчас, еще не было. Мы не ведали при нем, что так бывает. Истово верили в стену, нас защищающую.

У каждого, кто знал его, был свой Кучмий. Каждый, кто пришел вчера в почерневшую от одежд редакцию, мог бы раскрыть свои истории и обнажить свои переживания, связанные с ним. Персонально свои, не повторяющиеся. В том был его секрет и его великий дар - иметь с любым из близких или подчиненных свою собственную духовную нить. И дожить ею по-особому - вопреки, быть может, жестоким жизненным истинам.

По роду предыдущей службы я знал много военных начальников. Бывали осоновательные, встречались уважаемые, попадались умные. Настоящие полковники, одним словом, хоть были среди них и генералы по званию. 10 лет назад, в 99-м, Кучмий на том фоне показался маршалом.

Годы знакомства лишь утвердили его в этом статусе. Ум в дужках золотых очков, воля в сутуло-пиджачной спине, шарм в сверкающей зажималке, сила в изломе носа, строгость в пронзительном серых, отнюдь не стариковских глазах. Недруги называли его мэтром - о чем-то это все-таки говорит. А недругами считались те, кого он не приблизил к «Спорт-Экспрессу»: другой почве для неприязни виться было неоткуда. Империя, им созданная, яркая лампа, влекла к себе многих крылатых и бескрылых. Кучмий никогда не стоял на страже, но всегда имел свое собственное кадровое мнение. Вряд ли нужно говорить, что непререкаемое. Это было мнение зрелого джара, протестовать позволялось, опровергнуть не представлялось возможным.

Удивительно, но при таком характере он обожал, когда с ним спорили. Он нуждался в спорах больше, чем в согласии, и уж тем более - чем в подкаивании. Наш Главный иногда чувствовал, что доминирует над всеми остальными, и в такой миг ему остро требовались оппоненты. Он хотел не просто добиться своего, а победить, добыть истину в маленькой драке. Больших драк Кучмий не допустил бы никогда, легко разорвав любого противника.

В нем гнездились невообразимое сочетание власти и нежности. В последние годы это чувствовала вся редакция, а чуть раньше, уверен, от такого кокетства начками сгорали женщины.

Мало кто так любил жизнь. Мы, молодые, взахлеб слушали рассказы ровесников и соратников Кучмича о его поездках на какие-то там союзные Спартакиады, о двухмесячных командировках на казахстанский каток Медео, о велосипед-

ных спидках и рогадом руле, который Главный, будучи крупнейшим спортивным журналистом страны, боготворил, хоть и не писал о любимых коньках и велоспорте уже давным-давно.

«Теперь ты понял, что такое велосипед?» - звонил он мне в олимпийские Афины, когда я написал внеплановый репортаж про выплывающие в погоне за серебром легкие Екимова и узловатые руки допинг-победителя Хамитова. «Да, Владимир Михайлович, понял...» Ничего другого ответить ему было просто невозможно. Ведь на самом деле он не спрашивал. Он хвалил.

«Я себя под Лениным чищу», - писал Маяковский. Мне плевать на обвинения в высокопарности - вся редакция чистила себя под Кучмием. Многие, и я в том числе, работали зачастую лично для него. «Не поругай? Слава богу!» - говорили мы, узнавая итоги планерок. Мы скрывали, что всем нам хотелось бы большего - чтобы выделил, отметил.

Как-то прошлым летом шел тяжелый номер. В одиннадцатом часу вечера я собрался уходить, сдал заметку. «Подожди, посоветовали умные люди, - пусть Сам прочтет». Я сел в бар с портфелем и начал ждать. Он вышел лично. Сказал: «Пойдем, поговорить надо». Мы пришли к нему в кабинет: Рабинер, Алексеев, Левин, Квятковский и я. Он познакомил нас со старшей дочерью, навестившей отца после нескольких лет довольно непростых отношений. Вскоре она ушла. А мы говорили до половины пятого утра. И не только говорили, конечно.

Расстались засветло, обнявшись в редакционном дворе. «Червону руту не шукай вечерами...» - орал в шесть нетрезвых глоток. Это было всего лишь прошлым летом...

Главное его достоинство - безупречное чувство меры и абсолютно аристократический журналистский вкус. Во мне, еще не снявшем толком португую, он разглядел 10 лет назад что-то цивильное: большей награды после 17 лет армейской службы сложно себе представить. Кучмий вообще охотно нянчился с молодяком, делавшим «в слове из трех букв четыре ошибки», если видел хоть малую творческую каплю, искру души. Он был антиковзевьером в смысле производства банальных заметок. Во всем, что выходило на страницах «СЭ», на первое место он всегда ставил нерв.

В ту же ночь, когда пели «Червону руту» - единственную подобную ночь за годы нашего знакомства, он попросил меня привезти на работу одну из двух домашних гитар. Я думал - пошутил. После четвертого или пятого напоминания понял: все гораздо серьезнее. Натянул новые струны, привез. Она и сейчас стоит в его опустевшем кабинете. Мы не собрались больше ни разу, не сыграли ни ноты, ни песни. Суета, горячка, кризис, командировки... Все только планы строили, встречаясь в коридорах. Вот сейчас чуть разберем завалы и тринем, как той июльской ночью: «Ты признайся мени...»

Он был Акелой. Любил каждого, верил, заглядывал в души и, самое главное, видел там что-то. А теперь он ушел.

Бригада «СЭ», приехавшая на футбольный матч в Краснодаре, поменяла билеты и вернулась в Москву на сутки раньше, чем планировалось, сразу после

игры. Мы не могли понять, что нам делать там без него, для кого собирать впечатления, писать путевые заметки. Прости, читатель, что думали о тебе лишь во вторую очередь. Но так действительно было.

Десять лет моего персонального знакомства с Кучмием - годы открытий. Главное из них - сам Кучмий. Масштабный, притягивающий, лукавый, вальжанный, влюбляющий в себя и влюбленный в газету. Ценитель литературных образов, которые иногда рождались в головах его подчиненных, и фотографий, производимых на свет лучшим спортивным фотоотделом России. Его нельзя было разозлить ошибкой. А вот нежеланием рисковать, боязнью эту ошибку совершить - запросто.

Не так давно я написал заметку, которой гордился. Но взялся за нее не сразу, а после пятиминутного раздумья. У меня был выходной, нужно было ехать за новой мебелью. В общем, я отказался сначала. И тут же передумал. Отменил семейные планы, перезвонил, поехал на задание вместе с женой, написал... Заметку на планерке он похвалил. После чего лично явился в мой рабочий закуток. И хлопнул по расправленным крыльям: «Как ты мог? Репутация дороже мебели!»

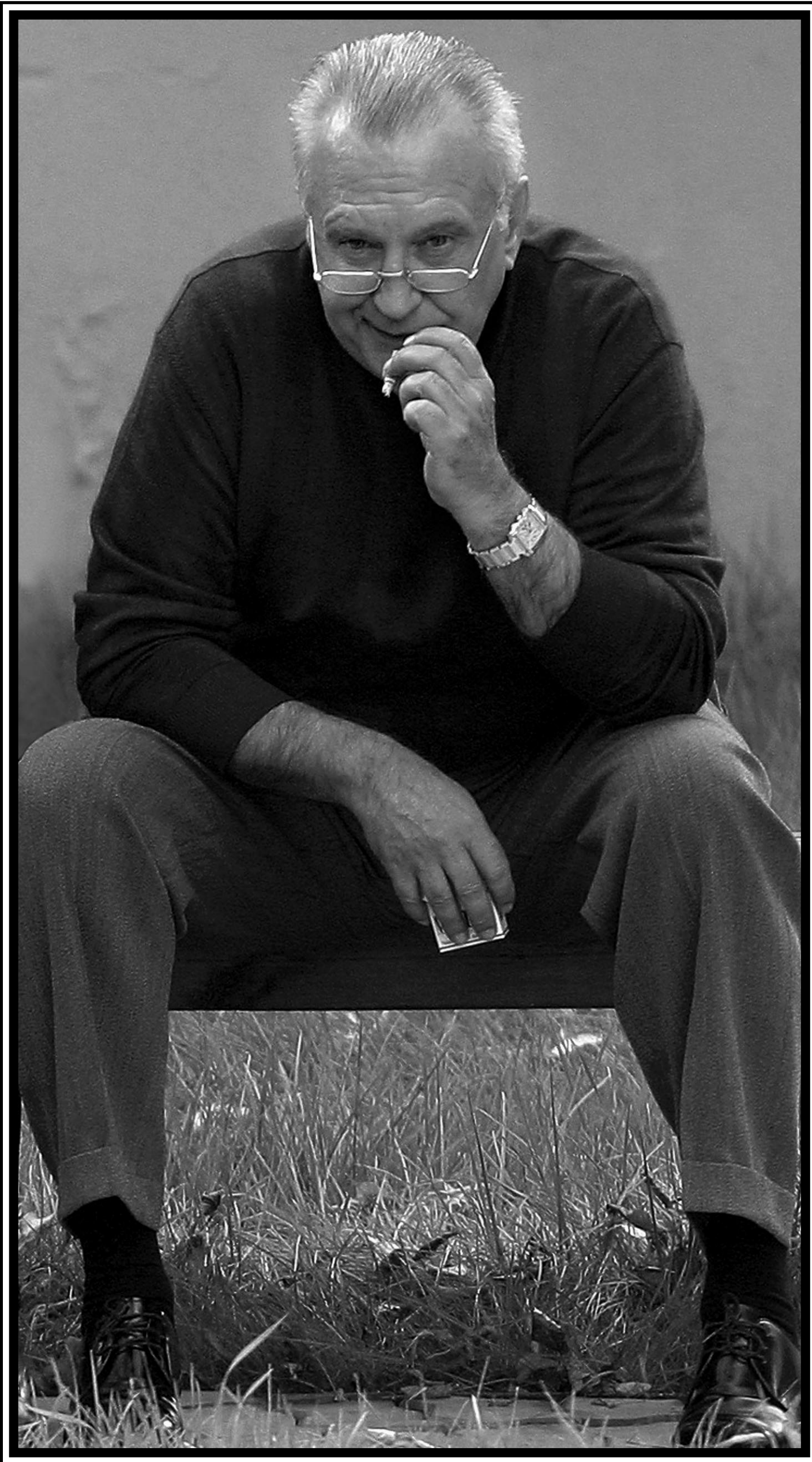
Вместо лавров - стыд животворящий. Такие фокусы уметь делать только он.

Кризис, финансовые потрясения, войну тиражей - Главный все пропускал через себя. Но когда в киевской командировке у меня украли тысячу долларов, возместил до копеечки - без малейших намеков с потерпевшей стороны. Сказал: «Бывает». Признак широты души. Как и умение не увидеть, не услышать, не сказать - ценнейшее для руководителя. Черта большой натуры.

Кучмий много лет писал книгу. Не первую свою, но, думаю, самую лучшую - энциклопедию кино. В этом вопросе он разбирался профессионально и досконально. Несколько дней назад, зайдя к нему в кабинет, я видел, что он вычитывает гранки оглавления. Работа подошла к концу. Жизнь кончилась раньше.

Осталась книга - почти завершенная и газета - полностью отстроенная. Отделы, помещения, прозрачный лифт, гранитные ступени, сверкающие медью перила, люди, наконец, - главный его капитал, - все работает, крутится, смазано и проинструктировано. Цветет интернет-портал «СЭ», важность которого он высоко вознес еще тогда, когда мало кто вообще понимал масштабы сетевой эпидемии. Редакция насыщена аппаратурой, купленной на свои собственные, заработанные газетой деньги. Цеха придуманного и воплощенного им в жизнь комбината исправно дают продукцию, реализуются новые важные проекты, в том числе и не связанные напрямую с редакционно-издательской деятельностью. У Главного появилось время передохнуть, вернуться к книге про кино...

Он любил разных людей. Разные люди любили его. Если мы когда-нибудь попадем в одну половинку той жизни, возьмите меня на работу снова, Владимир Михайлович. А сейчас, уходя, знаете: свет будет гореть. Ваш свет. Экран столь любимой Вами жизни.

Вчера. Санкт-Петербург. Перед началом матча «Зенит» - «Сатурн». Минута молчания в память о нашем главном редакторе.

Виктор Евдокимов